

Завораживающие детективы
Виктории Платовой

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

После
любви

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 После любви / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2019. — 672 с.

ISBN 978-5-04-101676-0

Саша Вяземская уже три года живет в Эс-Суэйре, маленьком городишке на атлантическом побережье Марокко. Наверное, она счастлива, потому что прежняя любовь давно умерла, раны на душе зажили, а новая любовь еще не пришла. И ничего особенного в ее жизни не происходит, пока вдруг в городок не приезжает сам Алекс Гринблат, знаменитый галерист, поджарый, загорелый, с чертовски красивыми глазами. Саше очень хочется влюбиться, несмотря на то что старый рыбак советует ей держаться от Алекса подальше. И вот уже назначено свидание с красавцем, как все вдруг понеслось в тартарары. Свидание сорвалось, а Сашу обвинили в убийстве малознакомого юноши...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101676-0

© Платова В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*Все события, описанные в романе,
вымышлены, сходство с реальными людьми
случайно, но это не означает,
что подобного не могло произойти
и не происходит в действительности.*

ЭС-СУЭЙРА

* * *

... Смысла в этом не больше, чем в футболках с надписью «Рональдо» и «Рональдиньо».

По полтора доллара за штуку.

Надев такую футболку, ты наверняка не станешь Рональдо. И уж тем более не станешь Рональдиньо, но футболки все надеваются и надеваются. Десятки Рональдо и десятки Рональдиньо мелькают у меня перед глазами каждую ночь.

Десятки Рональдо и Рональдиньо играют в футбол. На пляже, освещенном прожекторами. Это — не пляжный футбол, как можно было бы предположить. В самом термине «пляжный футбол» есть нечто оскорбительное. Нечто расслабленное, женственное, с таким футболом состояния не проживешь. Чистая любительщина, кружок художественной самодеятельности, да и только. Хотя Доминик утверждает, что пляжный футбол вроде бы внесли в список олимпийских видов спорта.

На мое отношение к пляжному футболу это никак не повлияло.

А десятки Рональдо и Рональдиньо все играют в футбол. Играют и играют. Каждую ночь. На пляже, освещенном прожекторами. Их футбол жесток, как жестока любая несбыточная мечта. **7**

Никому из надевших полуторадолларовую футболку не стать Рональдо. И тем более — Рональдиньо. Никому из них не вырваться из этого маленького городишки с большими волнами.

Но и остальной мир не лучше.

Они не знают об этом. И никогда не узнают. Они не знают. Я — знаю.

Этот маленький городишко и есть лучшее место на земле.

Хотя Доминик утверждает, что атлантическое побережье Португалии намного комфортнее атлантического побережья Марокко. Вроде бы.

На мое отношение ко всему остальному миру это никак не повлияло.

Днем футболистов сменяют серферы.

Их десятки, но ни Рональдо, ни Рональдиньо среди них нет. Среди них нет ни Шумахера, ни Майкла Джордана — ни одного имени, ни одного бренда, чей чих стоит миллионы, а заноза в пальце — десятки миллионов. Но ведь и серфинг не так популярен, как футбол, баскетбол или Формула-1.

Бросовое занятие, так утверждает Доминик.

Мнение Доминика — последнее, идущее в списке за мнением тушканчика и мускусной крысы, кто будет прислушиваться к мнению Доминика? К тому же Доминик боится воды.

Он боится исламских фундаменталистов, русской мафии, глобального потепления, поломок кондиционера, приливов, отливов, электромагнитных излучений от мобильных и микроволновок; он боится застрять в лифте, стать жертвой карманника; даже в такси Доминик не садится,

8 опасаясь, что у него откажут тормоза.

По Эс-Суэйре, маленькому городишке с большими волнами, Доминик передвигается пешком. Я нежно люблю Доминика.

Я нежно люблю отель Доминика.

Не потому, что он называется «*Sous Le Ciel de Paris*» (я никогда не была в Париже), — потому, что другого дома у меня нет.

Вот уже три года я живу в отеле Доминика, я такая же его достопримечательность, как и доски для серфинга, которые Доминик расписывает вручную. С той лишь разницей, что (в отличие от досок для серфинга) я не сдаюсь в прокат.

Сдаться в прокат — этого бы мне хотелось больше всего. Сдаться.

Отправиться на ужин с кем-нибудь из серферов. Несерьезных мужиков с серьезными намерениями. Смотреть на их жесткие пальцы, жесткие волосы, жесткие солнечные морщины — смотреть и улыбаться. Их шуткам, вырезанным из жести, их комплиментам, зыбким и двусмысленным, как песок: на таком песке в футбол не поиграешь.

Но ужинаю я, как правило, с Домиником.

На террасе второго этажа, отсюда хорошо просматривается океан. И пляж, залитый светом прожекторов, и десятки Рональдо, и десятки Рональдиньо. Пейзаж неизменен, как неизменны ветра Эс-Суэйры. Они меняют лишь направление.

Доминик читает «Фигаро» и рассуждает о том, что хорошо бы съездить в Марракеш. Конец света — еще одна тема, которая живо волнует Доминика.

Для меня конец света уже наступил.

Но я не особо распространяюсь об этом, я полна внимания к бредням Доминика, таким же

неизменным, как пейзаж, открывающийся с террасы. Таким же неизменным, как ветра. Ветра приносят песок и соленые морские брызги: маленькие неудобства, их можно считать приправой к нашим ужинам. К мечтам первого порядка: о Марракеше, о Касабланке, о Рабате.

Мечты второго порядка: Франция, *благословенная Франция*, как восклицает Доминик, блаженно закатывая глаза. Хорошо бы когда-нибудь побывать во Франции, сойти на землю исторической родины, кажется, так выражаются русские, Саша?..

Саша — называет меня Доминик. С характерным ударением на последнем слоге: Саша Гитри, Саша Дистель — явления того же порядка. Доминик без ума от песенок Sacha Distel, срок их годности вышел лет двадцать назад, Доминик еще не знает об этом.

Я — знаю.

Ты будешь прелестной старушкой, говорит Доминик, *charmante petite vieille*¹. Это можно отнести к мечтам третьего порядка: стареть вместе. Мы не любовники и никогда не были любовниками, и вряд ли станем любовниками, оттого именно эта мечта Доминика кажется мне легко выполнимой. Я так же, как и Доминик, надеюсь встретить старость в Эс-Суэйре, и ничто не может помешать мне. Ничто, кроме смерти. Но думать о смерти в тридцать лет смешно. Смерть актуальна для двадцатилетних, все остальное человечество она волнует не больше, чем таяние айсбергов в Антарктиде, даже Доминик с его карликовыми страхами не исключение.

Надо бы расширить отель, говорит Доминик. Прибавить к двадцати семи номерам еще как минимум пятнадцать, как тебе такая мысль, Саша?

Я отношусь к этому спокойно, никаких пятнадцати номеров не будет. Ни завтра, ни через год, ни еще через тридцать лет, когда я постарею и превращусь в *charmante petite vieille*. Номер, который я занимаю в отеле Доминика, носит порядковый номер 27. Ровно столько мне было, когда я впервые появилась в Эс-Суэйре: в полной уверенности, что конец света уже наступил.

Спасаясь от него, я могла бы улететь в Перу или на Мальдивы, но туристическая компания, в которой я тогда подвизалась, не обслуживала ни Перу, ни Мальдивы. Крошечная Европа показалась мне ненадежным укрытием, спрятаться в Европе — все равно что спрятаться в пустой комнате; моя неизжитая *l'amour* все равно меня найдет. Вот если бы нас разделяло море, а лучше — океан!.. Марокко — вот и все, что мне сумели предложить. Что ж, пусть будет Марокко, решила я.

Пусть.

Встречать чартеры два раза в месяц совсем необременительно. Иногда временной промежуток между ними увеличивался до месяца, как теперь обстоят дела с русскими чартерами, я не знаю. Работу в компании я потеряла спустя полгода, и если бы не Доминик...

Доминик.

Трусоватый, лысеющий со лба ангел-хранитель, — вот что такое Доминик. В брюхе Доминика легко уместился бы небольшой отряд морских пехотинцев, поросль на его груди постоянно присыпана крошками — табачными, хлебными; от **11**

подмышек Доминика тянет псиной, от бейсболки Доминика тянет козлятиной, и все же я нежно люблю Доминика. Он единственный принял во мне участие, он предоставил мне номер 27 в вечное пользование. У Доминика я получаю жалованье: такое же, как и немногочисленный штат отеля, не больше и не меньше. Да и характер моей работы не изменился: я по-прежнему забираю туристов из аэропорта, русских среди них нет. Французы, бельгийцы, иногда — канадцы, несерьезные мужики с серьезными намерениями. Они отягощены подружками, но чаще — досками для серфинга, доски и весь остальной багаж забрасываются на крышу маленького автобуса. Автобус тоже принадлежит Доминику, и, перекинувшись парой фраз с серферами, я сажусь за руль. Французов и бельгийцев это забавляет, канадцы относятся к путешествию с женщиной-шофером настороженно. В любом случае выбора у них нет. После двух с половиной (а иногда и трех с половиной) часов утомительного горного серпантина я непременно получаю приглашение на ужин. Напрасный труд, ужинаю я с Домиником. Для серферов я потеряна безвозвратно. То же можно сказать о футболистах в майках «Рональдо» и «Рональдиньо», о торговцах орешками, о торговцах коврами, о торговцах поддельным берберским серебром, теперь в моей жизни есть лишь один мужчина.

Доминик.

Доминик не клеится ко мне, он не клеился ко мне и в самом начале нашего знакомства, что способствует этому больше — ангельские крылья или вонючая бейсболка? А может быть, все дело **12** в извечной трусости Доминика? Трусость де-

лает его почти провидцем, в контексте Доминика у нее возникает масса других, куда более приятных синонимов: деликатность, сочувствие, сострадание, осторожная симпатия. Да, именно так: *осторожная симпатия*.

Доминик привязан ко мне, Доминик остро во мне нуждается, ежедневные свежесрезанные цветы в номере — это тоже Доминик. И все же он не выходит за рамки осторожной симпатии. Мое прошлое страшит его не меньше, чем поломка кондиционера. Что думает о моем прошлом Доминик? Мое прошлое — *l'amour*?¹ Мое прошлое — *le merde*?² На прямой вопрос Доминик не решится и через тридцать лет, когда я стану *charmante petite vieille*. Жаль, что я поняла это слишком поздно. И мне придется приберечь ответ для кого-нибудь другого, не такого трусливого.

Мое прошлое — любовь.

Мое прошлое — дерьмо.

Любовь и дерьмо пребывают в нем в восхитительном, почти сакральном симбиозе. Любовь и дерьмо, дерьмо и любовь, любовь — дерьмо; стоит тебе поставить между любовью и дерьмом знак равенства — и конец света обеспечен.

Трусишке Доминику лучше не знать об этом.

И мечтать о Марракеше, о Касабланке, о Рабате. И черт с ней, с *благословенной Францией*, исторической родиной, на которой Доминик никогда не был. Как не были его отец и, возможно, дед и прадед. Род Доминика пустил корни в Эс-Суэйре за долго до появления межатлантических рейсов «Эйр

¹ Любовь (фр.).

² Дерьмо (фр.).

Франс», нижние ветви его генеалогического дерева пошли на изготовление мачт корсарских бригов, средние — на балки и перекрытия отеля «*Sous Le Ciel de Paris*», а нелепая худосочная верхушка — и есть Доминик.

Назвать ее кроной язык не повернется.

И все же я нежно люблю Доминика.

Его французский похож на мой собственный французский, неправильный, не размножающийся в неволе французский. С той лишь разницей, что бреши в нем Доминик частенько затыкает арабскими, а я — русскими словами.

Все еще — русскими.

Le merde.

Дерьмо.

Это может относиться к чему угодно: к утренним туманам, к ценам на бензин, к пропаже пепельницы из пятнадцатого номера (пепельницы из него исчезают регулярно), к интерьеру виллы Алена Делона в одном из предместий Марракеша (Доминик набрел на фото интерьера в каком-то журнале), к постоянно дующим ветрам.

Тут мы с Домиником расходимся.

Ветра — вовсе не *le merde*, как полагает Доминик. Ветра — лучшее, что есть в Эс-Суэйре. Переменчивые, прихотливые, всегда влажные ветра навеки приковали меня к маленькому городишке с большими волнами. Вышибить из башки *l'amour*, которая и есть *le merde*, им не удалось, но во всем остальном они выше всяких похвал. И что-то подсказывает мне: благодаря им я никогда не постраю, история «прелестной маленькой старушки» обойдет меня стороной. Ветра Эс-Суэйры сдувают

14 с лица любой намек на морщины, а губы так

и останутся обветренными, упругими и солоноватыми. Точно такими же, какими они были в тот день, когда я встретила *l'amour*.

Ветра Эс-Суэйры возвращают меня в него — снова и снова.

Только теперь, по прошествии трех лет, я поняла высший смысл своего побега в Марокко: я здесь не для того, чтобы забыть все, нет. Я здесь для того, чтобы помнить. Не то, что было потом, когда *l'amour* превратилась в *le merde*, а то, что было в тот первый день.

Воспоминание о счастье. Не больше и не меньше.

Мое воспоминание о счастье — Эс-Суэйра — всегда под рукой.

«Ты странная», — сказал мне однажды (лишь однажды!) Доминик. Мы напились, без всякого повода; мы напились, хотя до очередного Дня перемирия в Первой мировой войне оставалась ровно неделя. Вот тогда-то из брюха Доминика и полезли морские пехотинцы, один за другим. Крепкие парни, совсем не трусливые, и на *осторожную симпатию* им было плевать, учинить допрос — вот чего они жаждали.

— Ты странная, Саша.

— Почему же, Доминик?

— Тебе никто не пишет. Никто к тебе не приезжает. Ты ни разу ни с кем не говорила по телефону. И ты не выглядишь тоскующей по родине. А русские всегда тоскуют по родине, я знаю.

Что ты можешь знать, Доминик? Ты не был ни в Марракеше, ни в Касабланке, ни в Рабате, о *благословенной Франции* и говорить не приходится.

Да что там Франция, даже до аэропорта тебе не **15**